

Рассказы про девочку Настю...

Рассказы про девочку Настю, про всю ее родню и ее удивительное детство.

Рассказ первый: «Про театр».

Когда я был еще совсем молодой, я ходил в театр, но не для того чтобы смотреть, как другие играют (хотя и для этого тоже), а для того чтобы самому играть в спектаклях. Кстати, там, в театре мы и познакомились с моей будущей женой, которая потом станет Настинной мамой, мамой главной героини моих рассказов. Представляете, она должна была играть в спектакле мою жену. Вернее не мою жену, а жену моего героя. Но надо вам сказать, что поначалу мы друг другу совсем не понравились.

Помню как сейчас: нахожусь на сцене перед репетицией, а в зал заходит женщина такая совсем молодая, как мне показалось, с чуть приподнятым курносом, худенькая, маленькая, ну совсем не подходящая на роль для жены моего героя. Когда я прочитал пьесу, которую мы должны были играть, то моя героиня представлялась мне солидной деловой женщиной, способной охмурить любого мужчину и получить от него все, чего только она пожелает. (По пьесе она должна будет охмурить главного героя, чтобы забрать у него выигранный лотерейный билет). Я представлял ее себе на вроде Миледи из фильма про трех мушкетеров.

Когда режиссер сказала мне, что Вера и будет моей театральной женой, я, честно говоря, был сильно разочарован. Кстати сказать, и она тоже. Она представляла моего героя мужчиной средних лет, лысеньким, с животиком, ну на вроде Калягина. А я был молодой стройный с усиками и совсем даже не лысый. Ну, в общем, первое впечатление друг о друге у нас с ней было одинаковое: «Да разве это она (он)!!!»

Кто мог подумать, что спустя годы, моя «дюймовочка» превратится в солидную женщину, а у меня самого появятся близкие намечки лысины и живот! Вот так часто наши представления впоследствии становятся реальностью.

Но надо вам сказать, что потом мы подружились, и друг другу даже понравились. В перерывах на репетиции мы любили болтать с Верой на разные темы. У каждого из нас за плечами был огромный багаж знаний, нелегкая жизнь и много общих увлечений и интересов. В Вере мне нравился ее незаурядный интеллект и независимое мышление (о, если бы я тогда еще узнал, как она вкусно готовит и печет торты!), а ей во мне нравилось то, что я никогда не набивался к ней в кавалеры, не ухаживал за ней и не подавал никаких признаков, что она мне симпатизирует.

Да как я мог что-то подобное предпринимать или показывать! Ведь я тогда был женат (хотя мы с женой и очень плохо жили □ совсем не подходили друг другу по характеру постоянно скандалили и не уступали друг другу буквально ни в чем), Вера была одинокой мамой, воспитывая уже не маленькую дочь, которая всего немного уступала ей в росте. Да к тому же Вера и была меня на семь лет старше, хотя и выглядела, правда на 10 лет моложе. (Здесь меня всегда Вера поправляла: «Не на семь, а на шесть с половиной!» Ох, уж эти женщины! Так и хотят всегда оставаться молодыми!)

Таким образом, мы с Верой в течении почти года встречались только в театре несколько

раз в неделю и ни чем другим не занимались, как только если иногда поболтаем на разные темы, остальное время мы играли в театре, ездили на гастроли и репетировали. Мы даже чуть было не получили звание народного театра, да у нашего главного героя, вернее у актера, который его играл, случилось горе: умерла мама. Он съездил на похороны и, когда приехал, то наотрез отказался играть в театре. Нового актера на эту роль найти было конечно можно, да вот подготовить его и сыграть с ним было совсем не мыслимо за тот короткий срок, который оставался до наших гастролей. Наша театральная труппа распалась и наши встречи с Верой прекратились до определенного знаменательного дня, который, возможно, и стал переломным днем в нашей жизни для нас и нашей будущей семьи.

Хочу рассказать о некоторых интересных случаях в нашей жизни, которые также связаны с театром.

Кроме репетиций в театре я еще работал на двух работах, делал ремонт в квартире, которую нам дали с женой и заготавливал дрова, потому что в новой квартире было только печное отопление. А когда наступила весна, я усиленно занимался разработкой и удобрением запущенного огорода. Весь этот тяжелый труд меня сильно выматывал и утомлял. Я всегда хотел спать и есть.

Помню на одной из репетиций я должен был изображать спящего на скамейке. Воспользовавшись таким удобным случаем, я решил немного вздремнуть и так уснул, что даже захрапел. Все остальные решили, что я так славно вжился в роль и даже радовались за меня. Но когда пришло время сменить сцену в спектакле, то все поняли, что я уснул по настоящему. Меня еле разбудили, а когда разбудили, то я долго никак не мог понять, где я нахожусь, и что от меня хотят, отчего вся труппа долго смеялась.

Был еще один интересный случай, но уже во время спектакля. По окончании спектакля обычно был небольшой банкет. Средства на это конечно же не выделялись и актеры сами приносили кто что может, чтобы было что выпить и закусить. Я был противником таких застолий, потому что я любил театр, а не закулисную жизнь, а во-вторых, потому что я совсем не употреблял спиртное ни в каком его виде, просто был категоричен в этом вопросе и мне всегда, конечно же было совсем неуютно в кругу пьющих людей.

Так же должно было быть и в этот раз: после выступления собирались остаться и отметить, как всегда полагалось. Да вот только из закуски принесли квашеную капусту и ничего более. А в спектакле сцена с застольем. И вы представляете, я перед поездкой был настолько занят, что целый день ничего не ел. И тут передо мной ставят замечательную квашеную капусту. Вообще-то, я должен был больше имитировать, чем есть, но я так разыгрался (да еще и знаете □ голод-то не тетка, особенно для нас мужчин), что с превеликим аппетитом съел всю актерскую закуску.

При этом я так разыгрался, что даже зал смеялся и аплодировал, как я смешно вел себя за столом. Директор клуба потом рассказывала, что была поражена этой сценой. «Вы так натурально ели!» А я и так ел очень натурально и жадно, при этом бойко жестикулировал руками, говорил свои «слова» с набитым ртом, что получалось довольно смешно и никак не мог понять, почему публика смеется, а все актеры не сговаривая смотрят на меня с застывшим ужасом во взгляде. И только когда я закончил есть то услышал за кулисами гробовой голос режиссера: «Он уничтожил нашу последнюю закуску!»

И тут я наконец-то понял, почему вся труппа почти перестала играть, когда я так вошел в свою роль! Да и к тому же еще представьте их состояние, после того когда они остались без всякой закуски: я-то ведь в их застольях не участвовал! Вот такая приключилась трагикомедийная история!

Рассказ второй: «Встреча, которая стала поворотным моментом в нашей жизни».

Кто-нибудь из читателей наверняка скажет: книга вроде бы про Настю, а о Насте еще и ни слова и ни о ней, если в нашем повествовании она ещё и не родилась даже. Вот и нужно рассказать самое главное: когда всё-таки будущая Настина мама стала моей женой. А всему виной одна знаменательная встреча, которая и изменила весь ход истории.

Надо сказать, что к тому времени я уже жил опять в доме своей матери, брак мой распался, мы с женой решили не мучить друг друга и разошлись. Никого не буду обвинять, дабы напрасно не осудить, как это у нас у людей принято оправдывая себя, осуждать другого.

Помню я для себя решил больше не жениться. Жил у матери, работал на кирпичном заводе электриком в соседнем посёлке. С работы ходил через лесок. Шёл потихоньку, никуда не спешил, общался с природой: грибы, ягоды собирал, растения разные примечал, разглядывал, да с местностью знакомился. Полюбил лес с его удивительным симбиозом и гармонией. И думалось, и дышалось, да и сочинялось на природе как-то легко и просто. Через полтора десятилетия я напишу об этих прогулках в стихотворении "Итог" следующие строки: «...думу думал, сердце омолаживал».

Вот и шёл я как-то раз домой после работы, да после такой лесной прогулки, радовался безметежности и свободе и был далеко в своих думах от этого бренного мира. А тут погода вдруг резко испортилась и как ливанёт с неба дождём проливным. Ну я ноги в руки и быстрее домой. Зонтика с собою нет, а дождь как из ведра льёт непрерывно, прямо спасу нет. Я перебегаю через бетонку и к своей заветной тропинке, что через болото напрямиком на нашу улицу выходит. Вдруг вижу краем глаза, как мне перебегают дорогу две особы женского пола под зонтиком. Я стараюсь их обогнуть, чтоб движению их не помешать, да только вижу они мне дорогу специально преграждают, в целях остановить меня. Пригляделся я к ним и обрадовался.

Я уже упоминал прежде, дорогой читатель, что с женой своей я разошёлся и жениться больше не собирался. С женщинами я обходился хоть и вежливо, но довольно сдержано и сухо, не подавая поводов к близким отношениям и дружбе. Но те, кого я встретил, были единственными личностями женского пола, которым я по настоящему обрадовался в данный момент. Честно говоря, встреча эта была совершенно нежданная, не мало ошеломила меня и обрадовала.

Мой дорогой читатель, ты наверное уже догадался, что встреченные мною люди были никто иные, как Вера, которая в спектакле играла мою супругу (удивительно, что Верочке это слово не очень нравится, ума не приложу: что она нашла в нём не благозвучного?) и её замечательная дочь Яночка. (Не иначе как замечательная, эту удивительную девочку замечали все и везде). Вот им то я так неподдельно обрадовался. Верочка мне нравилась всегда, она была совершенно необычная, совсем не такая, как

другие женщины, но видит Бог, общаясь с ней я никогда не подавал ей никакого повода в этом.

У нас завязалась оживленная беседа в которой было много новых новостей для той или другой стороны. Надо сказать, что мы с Верой очень давно не виделись, да к тому же я был очень болен и лежал в больнице. Вера хотела меня навестить со своей подругой, но постеснялась, чтобы не искушать ни обывателей ни моей жены, (бедная, она не знала, что с женой мы уже к тому времени расстались и жили отдельно: я вернулся к своей матери, а она осталась в квартире, которую незадолго до того мы получили). Это тоже выяснилось в нашей беседе. Верочка тоже так и не вышла замуж, хотя женихов и предложений у неё было много (еще бы: она была такая очаровательная). Выяснилось ещё одно обстоятельство, благодаря которому продолжились наши встречи и общения.

Вера делала запасы на зиму: заготавливала грибы, ягоды. Мечтала заготовить малинового варенья. Но куда пойти за ягодами она не знала. А я как раз совсем недавно набрёл в лесу на малиновые кусты. Ягоды на них были крупными, но немного недозрелыми. Собрать я их не стал, а решил придти через несколько дней. И вот как раз представился удобный случай, да ещё и напарник нашёлся подходящий для такого дела. В общем, договорились мы с Верой встретиться и пойти за ягодами. Она сообщила мне адрес, а я пообещал за ней зайти. На том мы и расстались. Кто мог подумать, что эту встречу, мы с Верочкой будем вспоминать всю жизнь!

За малиной мы сходили, как и договаривались, вот только на том месте куда я их повел ягод не оказалось: видимо дождь, бывший свидетелем нашей встречи, сбил ее всю на землю. Можете представить себе мое недоумение и расстройство, когда я увидел совершенно пустые кусты, а все ягоды на земле.

Вера не расстерялась и сказала, что знает одно местечко, правда оно далеко, но там точно есть ягоды. Делать было нечего, пришлось соглашаться на "далеко", зато это был конкретный выход из создавшейся ситуации. Ягод мы набрали, потом еще зашли к Вере и пили чай с вареньем. Общения наши проходили весело и интересно. Прощаясь, я спросил разрешения еще прийти в гости. Договорились встретиться через несколько дней. Эти встречи меня захватили, открыли мои чувства к Вере и я решил сделать ей предложение. На этом основании я заходил к ней всякий раз после работы, раньше намеченной встречи, но завидев надверьях замок, поворачивался и, не доходя до двери, уходил домой.

Так продолжалось с понедельника до четверга, в который мы и договорились встретиться. В намеченный для встречи день, я вновь увидел на дверях замок. Дорогой читатель, надеюсь ты себе представляешь, какое разочарование я испытал. Но сдаваться как-то не хотелось и я наперекор здравому смыслу подошел к двери и начал в нее стучаться. Всякий читающий эти строки может подумать, что я тогда совершал безумный поступок, но когда я сделал это, то вдруг откылась дверь противоположной квартиры и выглянула Вера со своей подругой.

Вот так, иногда и безумный поступок может оказаться благословением!

Наши встречи не оказались бесплодными - мы влюбились друг в друга, и вот однажды, решившись, я сделал Верочке предложение выйти за меня замуж. Она сначала отказалась, но когда я, попрощавшись, решил уйти, она вдруг согласилась, испугавшись, что появившаяся в её сердце любовь может погаснуть навсегда. Так мы

стали мужем и женой, а года через полтора у нас родилась Настенька - наш первый совместный ребёнок.

Рассказ третий: «Про то как девочка Настя алфавит учила».

Думаю, пора переходить к Насте в нашем рассказе, а то наш читатель наверняка заждался: когда же всё-таки про Настю - то вспомним. Свой рассказ про Настино детство я начну не с начала от её рождения, к этому я вернусь попозже, а хочу рассказать один забавный случай, происшедший тогда, когда наша дочь учила алфавит. Предвижу разочарование читателя: ого, как далеко убежали! Но хочу вас заверить, что в рассказе своём мы недалеко убежали. Первую букву с Настей я начал разучивать, когда ей было всего семь месяцев. Надо вам сказать, девочка Настя оказалась весьма способным ребёнком. Все надо мной смеялись, но я в своем решении был непреклонен. "Она еще говорить-то толком не умеет, а ты с ней буквы учить"! Так мне возражали, но я стоял на своем. "Пусть" - говорю, - "она с алфавита и начинается". У нас была большая библиотека со множеством разных книг. Но учить буквы я начал с ней не с букваря. Ни за что не догадаетесь с какого учебника мы начали. Это была "История"! Вернее не сам учебник, а только обложка от него. Я заметил, что Настенька очень уж у меня любопытная и мелькнула в голове гениальная идея: а не выучить ли мне с ней буквы?! Помню как сейчас: лежит в кроватке запеленанная на боку и на шкаф книжный прямиком поглядывает. А учебник истории прямо перед ее глазами находится. Я показываю ей букву "И" и говорю: "И-и-и-и". Молчит. Посапыват только своим миниатюрным носиком. Я не отстаю, опять повторяю и опять и опять и так до самого вечера. Похожу позанимаюсь делами и опять к ней возвращаюсь. Мама ее покормит, перепеленает, положит в кроватку, а я тут как тут. "Скажи и-и-и-и" - и на букву показываю. "Да оставь ты девку в покое, че пристал"? Это уже мама не выдержала. А я все равно на своем настаиваю. И, представьте себе, к вечеру она не выдержала моего натиска и сказала "И-и-и". Все конечно засмеялись. Но почему-то говорили, что это у ней случайно так получилось. Но я так не думал. На другой день, я продолжал с ней учить букву "и". Какое же было изумление домашних, когда мы потом шли по улице все вместе, а Настя в коляске ехала и на всех надписях букву "и" узнавала и на всю улицу кричала, показывая пальцем "и-и-и-и"! Все смеялись но уже от восторга. Все дети начинают учиться с букваря и буквы "а", а мы с Настенькой с "истории" начали сразу и с буквы "и". Как думаете, кем она захотела стать, когда выросла? Конечно же историком, кем же еще! В полтора года мы уже с ней весь алфавит разучили. Она уже свои первые буквы на песке начала выводить. И вот уже ни одной буквы не осталось из русского алфавита, которые бы мы с ней не выучили, читать конечно же еще не умели, но вот буквы знали. "А" - арбуз, "Б" - банан и так далее. Последней букву "Я" изучили. И вот настал долгожданный день, когда мама Вера нам экзамены решила устроить. Написал я на листке бумаги слово "НАСТЯ" и начали мы свой экзамен. Настя трепещет, как осиновый лист на ветру, волнуется. Почти по стойке смирно перед мамой стоит: ну надо полагать - первый в жизни экзамен все-таки. Мама, как самая строгая комиссия с самым серьезным лицом сидит слушает нас внимательно, почти не моргает. Экзаменуемая, хоть и волновалась, но начала довольно бойко: "Н" - Настя, "А" - арбуз и так далее, как

полагается. Все шло просто замечательно пока до последней буквы мы с ней не дошли. До буквы "Я". Учили мы ее совсем недавно, но вот повторять для лучшего запоминания, надо сказать, не успели. И вот забыли мы эту злосчастную "Я" напрочь! Мама ждет, Настя волнуется, а я, как и полагается папе - подсказываю. Сажу сзади нее и тихонько так говорю, чтобы не привлекать внимания: "Настя, это Я". Настя оглянулась на меня, посмотрела так сурово и говорит: "Нет папа это не ты"! И отрицательно и как-то обреченно покачала головой. Я опять ей подсказываю: "Настя, это буква Я". Она не поворачиваясь уже фыркнула на меня: "Папа, не мешай, это не ты"! Надо же! Моя маленькая девочка прекрасно поняла, что я ей подсказываю, но она лучше многих других букв знала, что перед ней вовсе не буква "ПАПА". Ведь папа - это просто два столбика с перекладиной. А эта буква такая важная - с большой головой и выставленной вперед ножкой - ну совсем на "П" не похожа. И как это папа не понимает! Наверно специально сбивает с толку - хочет показать перед мамой какая Настя глупенькая, мол ничего не знает. Даже смешно на него реагировать! Вот только какая же это буква? Совсем из головы вылетело! Мама ждала, ждала да и сама решила вмешаться. Говорит Насте твердым наставительным тоном не допускающим возражений: "Настя, это буква Я"! Это просто надо было видеть, что произвели ее слова! Они произвели эффект разорвавшейся бомбы! Мама не может обманывать и шутить! Но ведь Настя так хорошо знала эту самую лучшую букву "М", которая, как папа говорил и была "мама". А теперь оказывается все было не так! Бедная девочка с удивленным криком: "Мама, ты"! - закатила глаза и раскинув руки просто рухнула на мамину кровать, на которой и проходил экзамен. Взрослые хохотали, катаясь по кровати, Настя же лежала в отчаянии не зная что думать и говорить! Мы кое-как смогли ей объяснить, что буква мама так и осталось буквой "М", а "Я" - это просто такая буква, которая так и произносится: "Я-а-а-а"! Самая последняя буква алфавита. Получилась история ну почти, как у писателя Пантилеева в букве "Ты"! Настя, когда все поняла тоже долго смеялась, но уже сама над собой. Читать Настя, правда, начала позже, годам к пяти, но это уже совсем другая история.

Рассказ четвертый: «Настя и джельсоминонский голос».

Вы знаете, у нашей Настеньки была такая особенность: у нее голос был, как у Джельсомино, ей Богу не вру! Когда она родилась, я пришел на нее посмотреть. Медсестра мне ее сразу же в окошко показала. А потом мы с ее мамой через окно общались. Так вот, там в комнатке, где все детки после родов лежат, кто-нибудь раз и заплачет. Я сразу же слух наостряю: "Это Настенька?" - Кричу. "Нет, - Вера говорит, - это не Настенька. Это парень с такой-то палаты". Она почему-то всех новорожденных по голосам различала. Да и не мудрено было - рожали в то время мало, даже роддом хотели закрывать. И когда Вера Настю родила, кроме нее в роддоме еще семь мальчиков-богатырей было. Но у них почему-то все голоса были тоненькие, писклявые. Тут вдруг кто-то басом как закричит, вы не поверите, стекла мелко задрожали. Вера мне через окно кричит: "Это Настенька, Настенька!" А я как стоял, так даже с ног свалился. "Как, - говорю, - Настенька? Ты кого это мне родила?" Она когда потом дома кричала по ночам, когда у нее зубки резались, у нас вся наша двухэтажка не спала - на ушах

стояла. Еще она любила потом петь, когда подросла. Впервые она в одиннадцать месяцев запела. Мы лежим с Верой на диване, телевизор смотрим, а она на полу с куклой играет. Вдруг слышим, как запоет! "Баю-бай! Баю-бай!" Да таким громким хриплым мужским басом: мы чуть с Верой с дивана не попадали. Когда она немного подросла, но была все-таки еще маленькая, я ее везде с собой возил: на работу, в поездки. Так вот поехали мы с ней однажды в другой город, а ей 4 годика еще было - билет бесплатный, в гости к нашим знакомым, а там приехали братья музыканты они по тюрьмам ездили, проповедовали и песни о Боге пели. Играли на гитарах и вот в три голоса да на трех гитарах, как запоют... Заслушаешься! Вот нас и пригласили к их приезду. В это время наша старшая дочь Яна в том городе жила и училась в Кулинарном училище на повара-кондитера. Так вот, в том доме, который она снимала, все и собрались. Сначала братья сами пели, а потом предложили спеть всем вместе песню, которую все знали. И Настя на мою беду ее тоже знала. Она как завопит... и весь наш хор вместе с гитаристами, а нас человек 15 было, перепела. Кричала громче всех на четверть голоса точно, как Дениска Кораблев из фильма снятого по повести Драгунского, когда он пел - папа у Васи силен в математике. Слуха у нее конечно тогда еще никакого не было. Мне было за нее очень стыдно, но она сидела не со мной и мне было к ней никак не пройти. После общения к ней подошел самый старший дяденька из группы и погладив по головке, сказал: "Молодец, девочка! Когда ты вырастешь - никто твою партию не отнимет." А мне Настя сказала: "Папа, ты совсем неправильно поешь: все ме, да бе. А надо громко петь, как я!" Когда Настенька выросла, ее джельсоминонский голос куда-то отошел, она теперь разговаривала как все, но мне почему-то всегда казалось, что он всегда с ней, только спрятан куда-то далеко, потому что до сих пор, когда она мне что-нибудь рассказывает в своей скороговорной привычке, мне кажется, что этот ее скрытый голос на меня всегда давит. Просто, как будто он находится теперь где-то за пределами нашей слышимости. А с пением у нее все получилось: она закончила музыкальную школу по классу баяна с отличием, научилась играть на многих музыкальных инструментах, стала очень красиво петь и даже, когда мы жили какое-то время на Северном Кавказе под Пятигорском они с двумя мальчиками организовали музыкальную группу. А потом и она сама, когда мы вернулись домой на Север, организовала в церкви детский хор в нашей воскресной школе, где она преподавала детишкам о Боге, сама еще учась в школе, но это уже другая история.

Рассказ пятый: «Как ангелы Настю на руках держали».

Эта история, наверно, совсем не покажется вам смешной, но тем не менее я совсем не мог обойти ее своим вниманием. Дело в том, что после этих событий Настя очень сильно изменилась, впрочем как и вся наша жизнь. Это произошло, когда Насте было всего полгода. Она была очень славным малышом. Больше всего она любила плясать. Начнем мы какую-нибудь мелодию напевать да в ладоши хлопать, а она сразу в пляс пускается. Ходить она еще тогда, конечно, не умела, а вот у того, у кого на руках была, у того и приплясывать начинала. Она и без музыки уже сама по себе плясать начала. Все бы ничего, да вот только она уже и во время приема пищи плясать стала. Кушает, кушает да и раз - прыгать начинает вдруг ни с того ни с сего. А это уж как бывает плохо

кончается! Вот и с Настенькой тоже беда приключилась. Ну да ладно - история длинная, будем рассказывать все по порядку. За три дня перед этими событиями мне сон приснился - яркий такой, красочный. Доселе мне ничего подобного не снилось. Будто вылетел я из своего тела и полетел на тот свет - брата своего погибшего искать. Мой старший брат погиб в 1980 году, когда в армии служил. Искал я его, искал и вот наконец нашел. Рассказал ему про то, как мы здесь живем - поживаем, а он мне о той жизни поведал. Не помню уже, что он рассказывал, помню только что не сладко ему там жилось. Да вот еще он сказал, что есть место, самое лучшее, там всем хорошо живется, но нужно при жизни заслужить, чтобы туда попасть. И еще он сказал мне, что Бог есть и чтобы я верил в Него. А я тогда еще атеистом был, но о Боге уже задумывался. Пока я брата своего искал, пока пообщаться смог, там на небе три дня прошло, а я почему-то постоянно Настю всё ожидал, говорил брату: вот если Настя через три дня не придет - я назад на землю вернусь, а если придет, то останусь на небе. И вот на четвертые сутки будит он меня там на небе и говорит: вставай, мол, уже четвертые сутки пошли, а Настя так и не прилетела, на землю возвращайся, а то тебя уже заприметили, что ты нездешний и на суд хотят повести, а потом уже не сможешь вернуться. Проснулся я и дивлюсь, что за сон такой необычный приснился, вот и брата своего повидал, многое он мне тогда поведал, да и сон-то был, как будто и не сон вовсе, а явь! Вот только смущало меня, что Настеньку я на небе все ожидал, и откуда этот срок - три дня... К чему бы это? Про сон конечно родным своим сразу же рассказал, как проснулся, смеялся увиденному, откуда мне было знать тогда о вечности души и о других мирах существования после смерти. Только вот о Насте почему-то тревожилось сердце. Я постарался отогнать тревожные мысли с сердца, отвлечься работой - я тогда по своей профессии прямой работал - телемастером. И вот через три дня рано утром, проснулась Настенька, а мама ее кормить собралась. Взял я ее на ручки, чтобы жене помочь. Стали мы ее кормить вареным яйцом. Она как обычно начала кушать и давай прыгать - приплясывать от удовольствия. И вдруг плохо ей как-то стало, обмякла вся, на руках моих повисла, начало ее рвать. Мы испугались: что такое, неужели едой отравилась? А ей уже совсем плохо: куксится вся, плачет, температура совсем маленькая стала. Схватил я ее на руки и побежал в больницу на скорую. А бежать целый километр надо. Бегу, а у меня чувствую вдруг у самого силы кончаются: три раза чуть ее из рук не выронил. Прибежали на скорую, а там по моему сбивчивому рассказу поняли, что она повидимому что-то не то съела, и стали ей желудок промывать, да только нам все не легчает. Тут и мама подошла, и положили их сразу же в больницу - в детское отделение. Я, конечно же, на работу ушел. Пролежали мама с Настей в больнице сутки, а ей все не легчает. А потом оказалось, что у нее инвагинация, по народному заворот кишечника называется. Сделали Насте операцию, положили ее в реанимацию, а маму домой отправили. Мы с ней от горя все глаза выплакали. Мы тогда с ней даже не знали насколько у Настеньки все серьезно было и все равно сильно расстраивались. Потом нам рассказали, что когда Насте живот врачи вскрыли, то оказалось, что тонкая кишечка завернулась, когда Настя скакала во время приема пищи, затвердела, стала как камень, пробила толстый кишечник и там лопнула. Внутри полости живота начался перитонит, т.е. загноение. Врачи почистили живот, урезали 3-ю часть кишечника, зашили, но девочка в себя не приходила: впала в кому и сутки пролежала в коме. В это время с ней в реанимации

лежал один мужчина из Приобья. Ему плитой ногу раздавило. Началась гангрена, сделали ампутацию, гангрена пошла выше, пришлось опять делать ампутацию, все повторилось и опять операция по ампутации. Во время третьей операции пациент, как он мне сам потом поведал, вдруг начал выходить из тела. Разговаривает он с врачами, а его естественно никто не слышит. Начал он подниматься над телом, прошел потолок, а там коридор какой-то ведущий в небо. Начал он по нему подниматься, а потом вдруг бац! Как будто кто-то землю из под ног вышиб: полетел вниз в какую-то пропость и не просто падал, а опускался туда по спирали. Показалось ему, что целых три дня это длилось, хотя операция продолжалась всего три часа. Внизу этой самой спирали, в которую его засасывало, как в воронку, виднелась непроглядная тьма. Тьма была не просто пустой чернотой, а плотной, как черная вязкая грязь, откуда раздавался плач и скрежет зубов и играла зловещая роковая музыка. Душу охватил ужас и паника. Как будто ища спасение, он оторвал глаза от бездны и увидел на стенках спирали странную картину: как будто киноплёнка была раскручена, а в каждом кадре ленты - его прошлая жизнь, вернее ее самые порочные и грязные моменты. Вот он изменяет жене, а здесь кого-то бьет, ворует, ссорится, лжет и так до бесконечности. И самое страшное - совесть жжет его изнутри и причиняет ему невероятные страдания. По проществу, как ему там показалось, трех дней такого предверия ада вдруг откуда-то сверху полилась еле уловимо нежная приятная музыка. Он поднял голову вверх и увидел, как два ангела с распростертыми крыльями держали нашу Настеньку между небом и землей. В это время она как раз находилась в коме. У него из груди вырвался крик о помощи к Всемогущему Богу и слова раскаяния за свою беспутную жизнь... И вдруг он начал подниматься и со временем вернулся опять в коридор и в палату реанимации. Душа вернулась в тело и пациент не помня себя от радости снова открыл глаза. Реанимационная палата, капельница, медсестричка в белом... И впервые искренно и с чувством глубокой благодарности к спасшему от гибели Господу он воскликнул: слава Богу!!! Но никто не обратил тогда на это никакого внимания. Пациент начал быстро поправляться, к нему приехали друзья, привезли спиртное, чтобы отпраздновать его выздоровление, но он пить наотрез отказался: "Вы ребята меня извините, пить я не буду - я в Бога уверовал"... Все были в шоке: такого от него они точно никогда не слышали и услышать, естественно, не ожидали... Но мы с вами отвлеклись от нашей истории про Настеньку, вернемся назад. Вот лежит Настя сутки в коме, а у меня в душе битва: как будто два голоса соперничают во мне. Один уговаривает меня вернуться к окултной практике, чтобы, обратившись к нечистым силам исцелить свою дочь: "давай, ты же все можешь" (раньше, когда-то я был экстрасенсом несколько лет пока не понял, что сила, которая во мне, - от дьявола), а другой тихий и кроткий предлагал мне помолиться Богу, обратившись к нему за помощью: "Помнишь, когда Вера рожала Настю ты молился и я услышал тебя и пока ты молился я помогал ей"? Я действительно помнил тот случай: Вера ушла в больницу рожать, а меня попросила всю ночь молиться за нее - она очень боялась, так как первые роды прошли очень тяжело. Я молился до пяти утра, а потом мне показалось, что всё, она уже наверное родила и я лег спать. Жена мне потом рассказывала, что до пяти она чувствовала колоссальную поддержку, но родила она двумя часами позднее и за это время чуть не умерла... Не знаю, что бы вы выбрали на моем месте, но я никак не мог решиться, я был как в ступоре и никак не решался отдать

предпочтение тому или иному голосу. А все это время ангелы Настю на руках держали. Выбери я неправильное решение - они бы ее на небо отнесли, сделай я правильный шаг - и они бы вернули ее обратно в тело. Но разве знал я обо всем этом тогда... Вот и мучился над принятием решения целые сутки... А она пребывала в коме. И вот я, наконец-то решил, молиться. Я встал на колени и воззвал за помощью к Богу, цепляясь как мне показалось, за последнюю соломинку. И как только я помолился, Настя вдруг пришла в себя. Врач, который делал ей операцию, уже решил её заново вскрывать. Уже даже инструменты операционные приготовили - и вдруг она в себя приходит! - Ну слава Богу! - говорит Олег Викторович, Настин врач, и снимает маску: - Жить будет! Эта удивительная история, дорогой читатель, ещё не закончилась, но я хотел бы её продолжить в следующем рассказе...

Рассказ шестой: "Как Настеньке влили мою желтушную кровь".

Когда Настенька пришла в себя в реанимации после операции, она была очень слабая. Когда мы с ее мамой навестили ее утром, медсестра обрадовала нас сначала, сказав, что Настенька пришла в себя и все будет хорошо, а потом огорчила, сказав, что доживет она скорее всего только до вечера, если ей срочно не влить большое количество донорской крови, так как она потеряла много крови и организм сам не справится.

А кровь у нее была 1-я положительная.

- Мы весь район обзвонились, - говорит медсестра мне, - такой крови нигде в запасе нет, а переливание нужно срочно, иначе она умрет. У вас какая группа крови? - Спрашивает она у меня.

Я говорю:

- Первая положительная.

Она говорит:

- Так чтож вы мужчина молчите, давайте переливать будем. Я у вас сейчас на пробу капельку возьму крови и у дочери вашей и посмотрю, как они взаимодействовать будут и сразу же перельём.

Тут у меня внутри все сжалось: как мою кровь переливать! Ведь я переболел в детстве желтухой и являлся постоянным носителем вируса: у меня на больничной карточке в углу жолтый треугольничек был (потом его, кстати, убрали)! Да после меня всегда все инструменты подлежали специальной повышенной обработке. А тут мне предлагают дать кровь своей умирающей дочери!

"Ладно, - думаю, - пусть на пробу сначала возмет, а потом видно будет"...

Взяла она у меня кровь на пробу и ушла. Я остался сидеть в приемной комнате больницы в мучительном ожидании. Вера, Настина мама, сидела в коридоре и переживала, наверняка мучаясь в томительном неведении и ожидании гораздо больше меня.

Возвращается медсестричка и с порога мне восклицает:

- Надо же! Я такого даже у матери с ребенком не встречала: кровь как из одного тела! Моментальное взаимодействие! Всё, срочно будем переливать. Нам минимум у вас нужно взять 100 кубов крови. Дадите?

В горле у меня пересохло, я весь сжался от страха, но как я мог отказать собственной

дочери, а вдруг да это последний шанс? Я кивнул.

- Ну вот и отлично!

Медсестра достала огромный шприц на 100 кубов и начала у меня брать кровь. Если бы вы знали, что творилось у меня внутри! Ужас и паника охватили всего меня: что ты делаешь - это же больная желтушная кровь - она умрет!!!

А я тихонько про себя думал так с надеждой: "А может быть все пройдет нормально, может обойдется, ну подумаешь - поболит, поболит и поправится, зато не умрет, ведь это же все-таки шанс..."

А голос внутри кричит: "Остановись, безумный, она умрет!!!" Я опомнился и хотел уже остановить медсестру, а когда посмотрел на шприц - там уже было больше половины крови взято и мне стало жалко эту кровь и я начал про себя отчаянно молиться: "Господи, исцели эту кровь! - и еще отчаянней - Господи!!! Исцели эту кровь!!!" и молился так не переставая...

Медсестра взяла мою кровь и убежала переливать ее Насте, а я остался один на один со своей совестью, заглушая ее безвучной молитвой...

Медсестра вернулась радостная и еще меня в доноры записала. Я тоже - улыбаюсь ей, а внутри меня страх панический живет. "Ох, если же она умрет, думаю, мои родственники ведь убьют меня. Скажут: знал ведь, а дал все-равно свою кровь. Нет, думаю, притворюсь, что забыл".

Вот шагаю я с такими невеселыми мыслями домой, а жена возьми мне да предложи зайти к моей сестре на работу (она там же в больничном городке работала в физкабинете), чтобы обрадовать ее новостями про Настю. Как только жена моя Вера сказала, что Настеньке мою желтушную кровь влили, моя сестра как завелась, как закричала на всю больницу на меня и потащила нас обратно в реанимацию, чтобы их на счет крови предупредить.

И тут такое началось: хирург кричит на медсестру перелившую кровь:

- Вы с ума сошли! Она у меня сейчас на операционном столе умрет!

Прибегает ко мне медсестра в расстегнутом халате, глаза выпученные, кричит на меня:

- Почему вы мне ничего не сказали?!

А я ей в ответ:

- А вы у меня и ничего не спросили...

Слукавил, конечно, но она и правда у меня ничего не спросила, хотя должна была. Еще и в доноры меня записала...

Больше я потом эту медсестру в больнице не видел: наверно уволили.

А у нас с Настенькой взяли кровь на анализы, потом еще и еще, через определенные периоды и так в течении 70 дней несколько раз брали у нас с ней кровь. Потом вызывает меня к себе заведующий поликлиникой и спрашивает:

- Алексей, тебе никогда кровь не меняли?

- Нет, - говорю, - не меняли.

- Странно, - говорит, - либо ты никогда не болел желтухой, - а у самого на столе моя карточка больничная лежит с историей болезни, - либо тебя так хорошо излечили, чего в медицинской практике не бывает. Мы людям специально прививки ставим, чтобы они желтухой не заболели. У вас с дочерью абсолютно здоровая кровь! Сейчас, если она даже заболит желтухой, то перенесет ее легко, как ОРЗ, так как она твоей кровью уже

привита.

Как я обрадовался! А он мне напоследок сказал:

- Это Бог тебе кровь исцелил...

Иду я домой и удивляюсь про себя, благодарен Богу всей душой и сердцем, а выразить этого не могу - не умею...

Я еще не знал тогда, что пройдет совсем немного времени и я сам с Ним встречу, но об этом я лучше поведаю вам в следующем рассказе.

продолжение следует...

Алексей Кузнецов

March 11, 2010

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/3396>

© Copyright 2024, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com